

ЦВЕТОК АСФАЛИИ

И вот он на свободе, Микис Теодоракис, сын Греции. Всего несколько месяцев на свободе человек, голоса которого, музыки бояться «чёрные полковники» Греции. В августе 1967 года по их приказу депутат парламента, руководитель союза «Демократической молодежи Ламбракиса» Микис Теодоракис был брошен в тюрьму. «В самые трудные минуты передо мной вставало лицо пионерки, которая приветствовала меня во Дворце пионеров в 1966 году», — говорит он на всех встречах. Миллионы подписей собрали советские ребята под требованием: «Свободу Микису Теодоракису!» Обращался к нашим ребятам, Микис написал: «Мои исключительным друзьям и товарищам, читателям «Пионерской правды». Сегодня наш рассказ о трудных для Микиса Теодоракиса днях августа 1967 года.

КАМЕРА длиной в восемь шагов. За день он проходит пять километров. Пять километров, составленные из отрезков в восемь шагов. Чтобы не сбиться, отсчитывает во семьсот, тысячу шестьсот шагов и снова сначала. В камере цементный пол, один стул и всегда неусыпно один жандарм. Охранники сменяются, но всё равно для Микиса Теодоракиса — это один жандарм. В тюремном коридоре он отходит от Микиса на два метра, не больше. Теодоракис на особом режиме. У него нет листа бумаги и карандаша. Не приносит ни ложек, ни вилок. Приходится есть руками.

После полудня в камере, где закрыто окно, вязкая жара. Густой жар заполняет все клетки тела, появляется ощущение, что тонешь и никак не можешь вынырнуть. В эти минуты, как мимолетные сны, он видел дни своей жизни. Вот он ещё мальчик, читает дневник отца, повстанца из рода повстанцев. Дом отца на острове Крит два раза сжигали турки. Записки отца были для Микиса как присяга родине.

Две мысли мучили его, не давая покоя. То, что надолго выбыл из рядов Сопротивления, и то, что никто не знал об его аресте. Каждый день он говорил охраннику, чтобы тот позвонил его родным: Микис в асфалии — тюрьме.

Спадала жара, начиналась прохлада. В восемь часов вечера открывали окна тюремных камер. Лёгкий ветер залетал в камеру и приносил облегчение. Тогда Микис пел. Пел всегда одну и ту же народную песню:

...Стемнело. Тишина глубокая обняла мир.

Только один юноша не может уснуть.

Уже на свободе ему сказали, что в час, когда он пел, его слушала вся тюрьма.

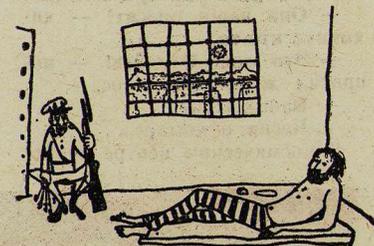
...Ночью он сидел, опершись о стену, и думал: с минуты на минуту его поведут на расстрел. Нет, он не собирается молчать, он успеет крикнуть: «Да здравствует жизнь! Да здравствует коммунизм! Да здравствует дочь Маргарита!»

С такими мыслями укладывался спать на цементном полу, до пояса голый, в одних брюках. Под головой ботинки. Утром просыпался от резких ритмических ударов и душераздирающих стонов. Он знал: пытали заключённых. Били железными прутьями по подошвам и одновременно по лицу, всему телу. Ноги распухали так, что человек не мог ходить. пытки длились часами.

Однажды Микису разрешили подойти к окну. Лил дождь. Слепой дождь, когда солнце не прячется, но делается грустным-грустным. Окно было чуть приоткрыто, и Микиса заметили. Он увидел, как из одной камеры первого этажа ему махнули рукой, в которой был листок с именем заключённого. Неизвестный ему человек как бы говорил: «Знай, я с тобой, Микис!»

С третьего этажа кто-то протягивал ему цветок.

Камеры дышат! Томящихся в асфалии не смогли растоптать «чёрные полковники». Как цветком, протянутым из камеры третьего этажа, объединены узники солидарностью. Солнце свободы выше смерти и «чёрных полковников». Поэзия вошла в камеру Микиса. Поэзия борьбы. Он всегда был верен ей. Стихи слагались сами. Тогда он почувствовал, что душа его свободна, не подвластна стенам тюрьмы. Жан-

дарм был для него теперь просто-напросто карликом. Сам Микис жил в другом мире. В него не могли войти тюремщики. И теперь он не считал шага. Они словно отмеривали ритм его стихов. И ещё в камере звучала музыка. Они рождались вместе: слово и мелодия. За два дня сложилось тридцать два стихотворных текста и музыка к ним. Нечем и не на чем было их записать. В голове удерживал и стихи, и музыку.

Микис Теодоракис был ещё в тюрьме, когда английская газета «Гардиан» напечатала первую песню. Песни прорвались через стены асфалии. Как? Микис никому не рассказывает: тайна конспирации. Она ещё нужна друзьям, брошенным в тюрьмы и концлагеря. Она нужна его другу поэту Греции Яннису Рицосу и многим, многим. Борьба продолжается.

А. БАТУРИНА.

Рисунки греческого художника МИНОСА АРГИРАКИСА.

Фото Л. НИСНЕВИЧА.

21 АВГ 1970

«ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»
г. Москва

*Γρατис
δωρεάν και αποστολή
στον Λαβαντού από
Αντρέ Ραβαντού*

*Μουσική
D VIII 2*

175